

Т.Г. Леонтьева

СЕМИНАРСКИЙ БЫТ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ (вторая половина XIX – начало XX века)¹

Организация учебного процесса и быта в духовных семинариях императорской России была нацелена на воспитание «правильного» священника, которому в будущем предстояло сформировать «идеального» православного и верноподданного гражданина. В статье автор выявляет эффективность воздействия преподавательской корпорации на эстетическую, моральную, интеллектуальную сферы личности семинариста. При этом отмечается острота социальных проблем, одинаково характерных для семинаристов и их наставников. Эта тема нашла отражение в исторической публицистике второй половины XIX века, официальных документах Русской православной церкви. В основе исследования – дневники и воспоминания бывших семинаристов, которые раскрывают особенности внеаудиторной жизни учащихся духовных учебных заведений, их настроения и поведение.

духовная семинария; бурса; семинарский быт; Русская православная церковь; воспоминания семинаристов

В 1862–1863 годах читающая публика России была потрясена публикацией в журналах «Время» и «Современник» очерков начинающего литератора Н.Г. Помяловского, который жестко и едко высказался о нравах, царящих в духовных школах. Принять его писания за пасквиль, злобный навет, «упоение грязью» не позволяли уже нашумевшие «Заметки...» калязинского (Тверской губернии) священника Иоанна Белюстина². Было очевидно, что писавшие знали суть проблемы. Будучи выходцами из церковной среды, они сами прошли суровую школу бурсы, ранее других осознали губительное несоответствие общепринятых имперско-подданических понятий о роли духовенства в имперской государственной модели, системы воспитания в российских духовных школах и реалий их служения и взывали к общественности в надежде привлечь внимание к судьбе будущих священников. При этом одинаково значимыми для формирования личности священника они признавали и обучение, и воспитание, и организацию быта. В статье исследуется частная жизнь семинаристов, которая весьма противоречиво представлена в нарративах XIX века.

Внешний вид. Так сложилось, что к середине XIX века в городском пространстве, где обычно открывались духовные школы, и в общественном мнении сообщество семинаристов превратилось в субкультурную группу, на которой лежала печать отверженности и презрения. Семинарист карикатурно выглядел не только в художественной литературе (достаточно вспомнить незадачливого гоголевского Хому из «Вия»), но и в воспоминаниях современников. Софья Ковалевская, российский математик с мировым именем, запечатлела своего соседа по имени, безмянного бурсака: «нескладная долговязая фигура, длинная жилистая шея и бледное лицо, окаймленное жидкими желтовато-русыми волосами, большие красные руки с плоскими, не всегда безусловно чистыми ногтями» и при этом – «неприятный вульгарный выговор на «о», несомненно свидетельствующий о поповском происхождении и о воспитании в бурсе»³. Известный писатель, близкий к кругу издателей «Современника» Д.В. Григорович уверял, «что он даже в бане узнает семинариста, когда он моется; запах деревянного масла и копоти чувствуется от присутствия семинариста, лампы начинают тускло гореть, весь кислород они втягивают в себя и дышать делается тяжело»⁴.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков», проект №16-01-00468/17-ОГОН.

² См.: Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012. С. 76–83.

³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1989. С. 90.

⁴ Панаева А.Я. (Головачева). Воспоминания. М., 1972. С. 251.

Действительно, большинство юношей, прибывающих в уездные города для обучения в духовных школах, происходили из малообеспеченных семей провинциального православного духовенства, что неизбежно отражалось на их внешнем облике: «затрапезный халат, фризковый сюртук, нагольный тулуп, картуз, грубые сапоги зашивали до дыр»⁵. Поэтому порой семинаристы больше походили на босняков, чем на будущих служителей церкви. В некоторых семинариях пытались снабжать своих воспитанников подобающей одеждой. Так, еще в 1845 году в Твери было принято решение унифицировать «наряд» бурсаков. Особым распоряжением ректора вводился единый покрой верхней одежды. Каждый семинарист должен был иметь «сюртук темно-синего цвета, а нанковый – темно-серый, длиною за колени, двубортные сюртуки с застежкой на все пуговицы, начиная с первой верхней, так чтоб вся грудь была закрыта, а панталоны одинакового цвета с сюртуком, отнюдь не пестрые, не полосатые, тем паче не белые, галстуки – черные, шелковые и коленкоровые, картузы черные суконные широковерхие, без кистей, с полукозырьком и с плисовым черным околышком»⁶. Семинарское начальство при этом полагало, что форменная одежда не только внешне «облагородит» учащихся, но и обяжет их вести себя подобающе духовному званию. Однако неоднократно предпринимавшиеся эксперименты в этой области не увенчались успехом, главным образом по причине безденежья семей священнослужителей, которым предстояло основательно раскошелиться на форменную одежду для сыновей. Воспитанник Тверской духовной семинарии отмечал в мемуарах, что только выходцы из обеспеченных семей выглядели достойно, они считались щеголями, держались особняком и с презрением взирали на остальных «плебейцев»⁷.

Немаловажную роль играли эстетические представления семинаристов. На кого могли равняться юные поповичи, которым, за редким исключением, в родительском доме не преподносили правила этикета и которые не имели возможности в досеминарский период озаботиться эстетикой быта? Конечно же, в первую очередь, на своих наставников – преподавателей. Однако, как свидетельствуют воспоминания семинаристов, старшее поколение порой могло разве что насмешить своих подопечных. В записках тверского семинариста П. Колерова 1840-х гг., обладавшего, судя по тексту, острым глазом и языком, содержится немало комического на этот счет. Уже в ходе вступительного экзамена он заметил профессора из свиты ректора, который тщательно маскировал свою «великолепнейшую лысину» от посторонних глаз, прикрывая ее «небольшим клочком волос, росших на затылке и повыше ушей», а чтобы прическа не распадавалась, он смачивал волосы сахарной водой, «что привлекало на его бедную голову рой мух»⁸. В итоге старания профессора выглядеть моложе «оценили» странным прозвищем «Пятиалтынный», а со временем к этому «титулу» добавили «стёртый», намекая на его выдающуюся лысину⁹.

Из воспоминаний экс-семинаристов следует, что уже в первом классе своих наставников они «встречали по одежке», замечали неряшливость, дурные привычки, а иные «забавники» осмеливались даже разыгрывать их, полагая, бедный – значит беззащитный¹⁰.

Поведение и проступки. Отсутствие пиетета к наставникам отчасти объяснялось атмосферой духовных школ. Повсеместно воспитанники духовных школ сталкивались с небрежением к человеку. Взгляд большинства магистров и кандидатов богословия на детей сельских «попишек» колоритно сформулировал ректор Тульской семинарии: «Семинаристы – это сволочь»¹¹. Трудноуправляемая масса воспитанников вызывала презрение преподавателей. Распространенными были обращения «дурак», «скотина», «свинья», «болван» и т. п. Обе стороны – учащиеся и преподаватели – постоянно провоцировали друг друга. В Тамбовской семинарии однажды вспыхнул бунт из-за того, что преподаватель за подсказку на уроке вывел 20-летнего ученика за ухо в коридор¹². Так было во времена Н.Г. Помяловского, мало что изменилось и к

⁵ Цит. по: Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 149.

⁶ Тверские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 28.

⁷ Воспоминания семинариста Кашинского священника П.С. Колерова о Тверской духовной семинарии периода 1841–1847 годов // Тверской государственный объединенный музей. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

⁸ Там же. Л. 6, 7.

⁹ См. там же.

¹⁰ Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 11 ; Тверские епархиальные ведомости. 1881. № 24. С. 563–564 ; Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 1. С. 271.

¹¹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 27.

¹² См.: Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 93 ; Малейн И.Н. Мои воспоминания. Тверь, 1910. С. 137, 140, 168 ; Иннокентий, митр. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества // Опыты православной педагогики. С. 170.

концу столетия. Уважительное отношение к наставникам – редкий сюжет в семинарской мемуаристике. В лучшем случае преподаватели испытывали к воспитанникам глубоко укоренившееся равнодушие.

Разумеется, поведение семинарской братии нельзя назвать ангельски смиренным – сказывался юношеский возраст. Стандартный (официально признанный) перечень «нарушений и проступков» семинаристов состоял из десятков пунктов. Им запрещалось читать книги по собственному выбору, посещать театры, знакомиться на улице и общаться с девицами, одеваться «по светски» (носить пальто, картузы), стричься по моде. В дисциплинарных журналах можно встретить такие записи: «волосы, как у барина», «пробор на голове самый тщательный», «волосы острижены очень с изысканностью» и т.п.¹³. В Петербургской семинарии наказывали за игру на гитаре, исключали за чаепитие в комнатах, не позволяли в будни выходить за ворота¹⁴. С начала 1870-х годов специальным циркуляром Синода было запрещено едва ли не единственное «легальное» развлечение – музыкально-вокальные вечера, «чтобы не отвлекать учеников от занятий». Этот обычай интеллигентского времяпрепровождения в среде семинаристов стал восстанавливаться лишь в 1890-е годы¹⁵.

В реальной жизни суровые наказания следовали и за иные, вполне безобидные провинности. Не случайно уже в первые недели учебного года появлялись так называемые «бегуны», пытавшиеся расстаться с «адом семинарского бытия»¹⁶. Строгие отцы возвращали их к месту учебы. Расправы с подобными слабаками были жестокими. Не секрет, что инспекторы порой откровенно сводили счеты с некоторыми учениками. Иногда доведенные до отчаяния семинаристы совершали преступные действия. Так, например, покушения на жизнь «наставников» зафиксированы в Туле и Владимире, в Тифлисской семинарии 19-летний выпускник в 1886 году «убил чрез два месяца по увольнении из семинарии о. ректора»¹⁷. Церковное начальство объясняло происшествие «кознями социалистов, подкупивших обиженного ученика». На деле решающую роль сыграла обстановка, царившая в Тифлисской бурсе. Своеобразной формой протеста был и суицид: в 1880-е годы в Тверской семинарии из-за преследований инспектора один из воспитанников покончил с собой¹⁸. Словом, в некоторых семинариях вместо строгой законности «создалась тяжелая атмосфера... насыщенная злобой, страхом и ненавистью по отношению к начальству»¹⁹.

Подобные порядки вызвали осуждение либерально настроенных наставников юношества, которые пытались доказать, что «семинаристы тоже люди». Но семинария по-прежнему лишь «давила», а не воспитывала и вовсе не дисциплинировала ни в духовном, ни в общегражданском смысле.

Любопытна позиция высокого семинарского и епархиального начальства: обычно оно вело себя с благодушной отстраненностью. В скандальных ситуациях (не политического и не уголовного характера) было принято скрывать выходки своих подопечных, а то и вовсе выступить в защиту провинившихся, называя поступки «незрелых умственно и не сложившихся нравственно» семинаристов «ребячьими выходками»²⁰. Будущий митрополит Вениамин (Федченков) в бытность инспектором Петербургской семинарии пытался положить конец привычке учеников курить по ночам в спальнях. Но петербургский митрополит Антоний (Вадковский) дал не в меру инициативному инспектору «совет на всю жизнь: никогда не обращать внимания на мелочи»²¹. Не удивительно, что такие «мелочи» становились неотъемлемой частью быта многих семинарий. Тверской священник П. Колеров на страницах своего семинарского дневника писал, что с подобных «мелочей» начался его «путь к разврату»: курению, выпивке, карточным играм²². Общеизвестно, что отнюдь не всем православным служителям церкви удавалось избавиться от таких «мелочей» в будущем.

¹³ Колосов В.И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 328.

¹⁴ См.: Поздеев В.А. Семинарская поэзия XIX – начала XX века // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре. Вып. 1. М., 2001. С. 199.

¹⁵ Быть может, и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупница. Дневник А.Н. Львова / подгот. текста, введ. ст. и коммент. С.Л. Фирсова // Нестор. СПб. ; Кишинев, 2000. С. 95.

¹⁶ Поздеев В.А. Семинарская поэзия XIX – начала XX века. С. 199.

¹⁷ Павел, экзарх Грузии – Победоносцеву. 28 мая 1886 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. М., 2001. С. 198–199.

¹⁸ Савва, архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1906. Т. 6. С. 429.

¹⁹ Евлогий, митр. Путь моей жизни. С. 71.

²⁰ См., напр. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 10. 1900. Д. 4. Л. 179–179 об.

²¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 93.

²² Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 22–28, 35, 58.

Не менее сложными были и межличностные отношения. Молодые люди, отрываясь от семьи, переносили в бурсу домашние нравы, пытались сохранять «иерархические привилегии»²³. Тесное семинарское сообщество повсеместно было представлено несколькими микрогруппами учащихся, по-разному ориентированными на будущее. Одни всерьез готовились к пастырской деятельности, другие намеревались получить образование ради светской службы. Были и такие, кто «плыл по течению» бурной семинарской жизни, не задумываясь о будущем. При этом рассчитывающие на карьеру (церковную или светскую) или просто сопротивлявшиеся установленному порядку стремились «по слабости здоровья» перебраться из общежития на квартиры: одни, чтобы оказаться подальше от бдительного начальства, другие – от буйных сотоварищей, развлечения которых мешали осваивать богословскую премудрость. Однако было ли подобное бегство спасительным?

Документы свидетельствуют, что проживание на квартирах порождало дополнительные проблемы. Несостоятельным попovichам приходилось селиться в малопригодных для жилья домах с неблагоприятными условиями («холод, грязь и зловоние, клопы и тараканы»). Администрация и домовладельцы предпочитали принимать на постой попovichей группами по 6–8 человек. Неудивительно, что в этих стихийно сложившихся коллективах формировались отношения, близкие к пресловутой армейской «дедовщине»: старшие помыкали младшими, отбирали у них деньги, заставляли прислуживать себе, гоняли за водкой и папиросами. Один из тверских экс-семинаристов описал курьезный случай, который, впрочем, мог произойти в любом городе: новый ректор семинарии, впервые въезжая в Тверь, заметил подозрительного паренька в гражданской одежде, обликом напоминавшего «духовного». Остановил коляску, подозвал его, и тот с перепуга признался, что бегал за водкой для семинаристов-старшекурсников. Рассерженный ректор приказал ему встать на запятки и вознамерился отвезти его на квартиру к прежнему ректору, чтобы уличить последнего в изъятиях воспитания. Однако мальчишка не стал дожидаться расправы, на ходу спрыгнул и скрылся²⁴.

Попытки установления тотального контроля вели к росту немотивированной агрессивности. Для усиления надзора за семинаристами, тем не менее, изобретались все новые и новые формы соглядатайства: наиболее дисциплинированных учеников назначали старшими по группам и квартирными старостами. Первых в тверской семинарии называли высокопарно – цензоры. Они вели переключку присутствующих на уроках, следили за поведением во время занятий и в перерывы, фиксируя все проказы в специальном журнале²⁵.

«Квартирный» (на языке тверских бурсаков – старшой) – персона более значительная, чем цензор. В его ведении находилось 15–20 квартир, где расселялись семинаристы. Обязанность частых посещений квартир сопровождалась пространными записями в журналах, где фиксировалось все, включая частоту посещения церкви. На основе информации от «старшого» инспектор вел свою «книгу поведения», где выставлялась оценка за домашнее поведение²⁶. «Эффективность» такого контроля скорее давала обратный результат. Старосты-цензоры быстро приобретали репутацию доносчиков (не случайно их называли «глаз инспектора») и становились изгоями, но открыто демонстрировать пренебрежение к ним было опасно. Вот и старались провинившиеся задобрить цензоров угощением, подхалимством, а то и «шкальчик сивухи» преподнести²⁷. В результате журналы наполнялись порой откровенным враньем.

Как отмечали сами семинаристы, бытовая коммуникативная культура базировалась отнюдь не на религиозной благости: будущие батюшки не любили трусливых, пугливых: над ними смеялись, их дразнили, унижали²⁸. Даже обычные детские игры непременно включали элементы жестокости и глумления. Так, тверские семинаристы лепили снеговиков, выставляя близ кладбища, чтобы испугать обывателей, а в классах открыто забавлялись игрой «в наклонку»: собирались в плотный круг, одного участника круга низко наклоняли и «с азартом и восторгом» по очереди били по спине кулаком или локтем, требовалось угадать – чей удар²⁹. «Виртуозы» старались наносить удары в самые больные места, между лопатками, в позвоночник, били до тех

²³ Там же. Л. 30.

²⁴ Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева / сост. Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. Тверь, 2012. С. 35–36.

²⁵ См.: Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 15.

²⁶ См. там же. Л. 19.

²⁷ См. там же. Л. 16.

²⁸ См. там же. Л. 29–30, 32, 33.

²⁹ См. там же. Л. 34, 35, 59.

пор, пока «наклоненный» уже не просил пощады, а смиренно ожидал окончания экзекуции. Как свидетельствует мемуарист, «эта потеха засушила несколько здоровых ребят и свела их в могилу». Только тогда семинарское начальство распорядилось запретить ее³⁰.

Едва ли не единственным «благородным» занятием в семинариях было чтение. Однако, как писал выпускник Воронежской семинарии П.В. Цезаревский, «почитать же удавалось не всегда, потому что порядочная книга может попасть в руки семинариста только случайно и то на самый короткий срок»³¹. При этом в этом учебном заведении была своя библиотека. Но даже такое «ничтожное чтение», со слов П. Колерова, «приносило едва ли не больше пользы, чем все семинарское учение»³². Что же читали поповичи в рассматриваемый период?

Своих денег на книги не хватало (нередко семинаристам приходилось покупать учебники), поэтому желающие преодолеть «слабость ума» устремлялись в библиотеки и городские читальни³³. «Епархиальные ведомости» и богослужебная литература не отвечали на сложные «жизненные» вопросы, поэтому молодые люди всех поколений (в пределах рассматриваемого периода) обращались к сочинениям Толстого и Шекспира, Чехова и Горького³⁴.

Так, один из лучших учеников Рязанской семинарии, Иван Павлов, в период обучения «открыл» для себя естественные науки, благодаря кумирам молодежи середины XIX века Н.А. Добролюбову, Н.Г. Чернышевскому (выходцам из духовной среды), Д.И. Писареву. Будучи уже большим ученым, Павлов писал, что под влиянием их статей в «Русском слове» и «Современнике», пропагандирующей материалистические идеи, «...наши умственные интересы обратились в сторону естествознания, и многие из нас – в том числе и я – решили изучать в университете естественные науки»³⁵. Увлекались публикациями «Современника» и воронежские семинаристы³⁶.

Любовь, сексуальность, брак. Мелкие бытовые пороки – не единственное, что угрожало нравственности будущих пастырей. В семинарской среде, как и в любом другом замкнутом сообществе, неизбежно возникали проблемы «переходного» возраста, связанные с сексуальными переживаниями. Что и как узнавали семинаристы о сексуальных отношениях, трудно сказать. В известных нам нарративах прямолинейные высказывания, размышления о «взрослых» взаимоотношениях полов отсутствуют, хотя, по утверждению исследователей, в семинарской поэзии XIX – начала XX века тема любви, дамские образы «занимают непомерно значительное место»³⁷. Это не удивительно, в бурсе юноши оказывались в том возрасте, когда все начинают «мыслить через тело»³⁸.

О первой любви и эротических грезах предельно деликатно говорится в дневнике будущего священника о. Михаила Сперанского (служил в с. Крутцы Моршанского уезда Тамбовской губернии), а в 1907 году – 20-летнего семинариста. По признанию автора, он поверял «бумаге свои тайные мысли, желания и мечты»³⁹. «Т.» (так зашифровано имя его возлюбленной) – «не так красива из себя», но без нее для молодого человека «жизнь... не в жизнь». Как заклинание он повторяет: «Люблю, люблю тебя, моя милая Дульцинея», «погиб я, или почти погиб»⁴⁰. Желая избавиться от любовной страсти (которая делала его «бессильным» и «безумным»), он использовал разные способы и ухищрения: то молил Бога избавить его от «окаянных мыслей», то намеревался «предать себя науке», то писал пространные письма своему «предмету», то погружался в заботы о своей внешности: «...я хочу быть белым, прогнать с лица загар, почему мажу его кислым молоком», практически не имея денег, «...задумал сшить себе пальто»⁴¹. Не помогало.

³⁰ См. там же. Л. 60.

³¹ Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 2. С. 244–246.

³² Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 36.

³³ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича. Запись от 4 сент. 1907 г. Тамбов, 1907. URL : <http://www.tambovdem.ru/>

³⁴ См.: Дневники Сперанского. Запись от 8 сент. 1907 г.; 11 сент. 1907 г.

³⁵ Цит. по: Агнцев Д.И. История Рязанской духовной семинарии. 1724–1840. Рязань, 1889.

³⁶ См.: Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии // Звонарь. 1906. № 6. С. 278–279, 283.

³⁷ Поздеев В.А. Семинарская поэзия XIX – начала XX века. С. 197–208.

³⁸ Выражение Сандры Л. Бэм. См.: Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004. С. 183.

³⁹ Дневники Сперанского. Запись от 25 авг. 1907 г.

⁴⁰ Там же. Записи от 4 сент. и 21 сент. 1907 г.

⁴¹ Там же. Записи от 28 авг., 29 авг., 23 сент., 26 сент., 3 окт., 8 окт., 21 нояб. 1907 г.

Неотрегированная сексуальность оборачивалась порой и более тяжким грехом. Поскольку явления известного рода считались (и считаются по сей день) недостойными описания, свидетельств осталось немного. Н.Г. Помяловский дважды описывает сцены нетрадиционных игр, связанных с присутствием псевдоженского персонажа – Катьки. «Катькой» называли переодетого в подобие женской одежды ученика, занявшего в силу какого-либо физического недостатка специфическое положение в бурсацком мире. Обычно «Катька» помогала семинаристам мыться в бане и играла роль невесты в любимом развлечении, именуемом «Сватовство». Этот спектакль небольшими группами разыгрывали вечерами в тайне от инспектора. О «неприличных играх сверстников» в семинарии упоминал и известный своим аскетизмом архимандрит Фотий (Спасский), тоскливо отмечая при этом, что «борьба с половыми желаниями для него была очень тяжела в молодости»⁴².

В воспоминаниях бывшие семинаристы отмечали «обыденность порока», намекая на то, что иные учащиеся еще в младших классах не только склонны к пьянству, но и «впадают между собою в самые гнусные и даже противоестественные нечистоты»⁴³ (данная реплика относится к петербургской семинарии в середине XIX в. – Т.Л.). Как ни странно, но случалось, что «скандальное поведение» демонстрировали взрослые, «зараженные» вирусом педерастии. Так, тверской священник Иоанн Соловьёв упоминает преподавателя, который отличался необычной половой самоидентификацией: «называл себя красною невинною девицею», любил красивых мальчиков-учеников и щегольски одевал их за свой счет). Весьма сомнительным был внешний вид его слуги: что-то среднее между женщиной и мужчиной в одежде обоих полов, за что его называли «Фёкла Палагеевна»⁴⁴. П. Колеров с неприязнью отзываясь о своем однокурснике красавчике «Д.», «похожем на бабу», за которым волочился некий господин «Иван Андреевич, джентельмен с желтоватой остроносой физиономией, снабженной оловянными глазами, и вечно с холодными и потными руками»⁴⁵, не скрывавший своей влюбленности в молоденького бурсака.

Избавлением от издержек «взрослой» любви, как правило, становился брак, реже – монашество⁴⁶. По окончании семинарии, чтобы получить место в приходе, требовалось жениться. Удачей считалось заполучить невесту «с местом» – дочь настоятеля прихода, готового выйти за штат и передать право служения зятю. Несмотря на постановление церковного ведомства от 1867 года, запрещавшее превращать родство с заштатным или умершим священником в привилегию при получении его места, само духовенство предпочитало сохранение обычая (он сохранялся вплоть до начала XX в.)⁴⁷. Сватовство порой напоминало сделку: жених стремился не продешевить, отец – «спихнуть товар»⁴⁸, что ставило под сомнение чистоту и святость основ брака. Примеров поспешного заключения брачных сделок, а затем – неудачных браков, предостаточно⁴⁹. Разводы священников не допускались. Не удивительно, что в семинарской мемуаристике порой встречаются вопросы гамлетовской сложности: жениться или не жениться, что, строго говоря, означает принимать сан, и соответственно приход, или покинуть семинарию⁵⁰.

Питание, устройство быта. Семинаристы постоянно недоедали. Со слов очевидцев, особенно страдали так называемые «корпусные», живущие на казенном содержании в общежитиях, «стая нищих и ненасытных бурсаков». На казенное содержание каждого из них в 1870-е годы, к примеру, выделялось 80–90 рублей ассигнациями в год, этого хватало чтобы сделать некоторые запасы. Так, в 1876 году Тверская семинария закупила для воспитанников (582 чел.) 250 пудов говядины, 30 пудов мясных солений, 30 – баранины и телятины, 45 – рыбы (6 сортов), 10 пудов масла подсолнечного и 30 коровьего, 25 – муки, 350 – гречки, 55 пудов гороха, 1250 кулей хлеба ржаного. Помимо этого, было заготовлено 100 пудов овса и 2 пуда меда⁵¹. Но не

⁴² Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра. М., 2001. С. 332, 344.

⁴³ Магницкий М.Л. О пьянстве семинаристов и необходимости его искоренения. URL : www.bee.vsu.ru/publ/magnitsky.shtml

⁴⁴ Соловьёв И. А. Историческая записка о состоянии Тверской Духовной Семинарии // Тверские епархиальные ведомости. 1881. № 24 (неоф. часть). С. 18–20, 27.

⁴⁵ Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 37.

⁴⁶ Строгие запреты не спасали от греховных помыслов, а жесткое подавление эмоциональных порывов оборачивалось нервными срывами. Тверской протоиерей В.Ф. Владиславлев в заметках о быте духовенства упоминает послушника, который, со слов докторов, «от онанизму обезумел» и его поместили в психиатрическую лечебницу. См.: Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. С. 32.

⁴⁷ См.: Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. М., 1893. С. 167 ; Дневники Сперанского. Запись от 8 сент. 1907 г.

⁴⁸ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1 об.

⁴⁹ См.: Савва. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского о Кашинского. Сергиев Посад, 1906. Т. 1. С. 272.

⁵⁰ См.: Дневники Сперанского. Записи от 28–29 авг. 1907 г. и др.

⁵¹ См.: ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 337. Л. 824–844.

всегда все это добро доходило до стола воспитанников, значительная часть довольствия разворовывалась. Скучность пищи, голод отмечались в это же время в Вологодской и Архангельской семинариях; всего 2 раза в день кормили казеннокоштных воспитанников в Одесской семинарии⁵². В похожих ситуациях не раз оказывались и тверские семинаристы.

К концу века положение практически не улучшилось. Скучная семинарская пища и 200 постных дней, которые неукоснительно соблюдались, приводили к тому, что кусочек мяса, соленая рыба, «селянка в грязной харчевне» становились предметом гастрономических грез воспитанников семинарии⁵³. «Даже белый пшеничный хлеб воспринимался как лакомство», – вспоминал один из выпускников⁵⁴. Митрополит Вениамин (Федченков), ректор Тверской семинарии в 1913–1917 годах, вспоминал о бунте, вспыхнувшем из-за киселя, смертельно надоевшего за время поста⁵⁵. Нехватка еды порождала постоянные унижения из-за куска хлеба⁵⁶.

Попрошайничество у персонала и у более богатых однокашников – типичные явления семинарской жизни. «У меня были гроши, у него рубли, я спал на жиденькой перинке, обтянутой пестрядиной наволочкой и поутру, свернув свою постель, убирал ее в угол на полу, а у него был сафьяновый тюфяк, покрытый стеганым кашемировым одеялом и кровать, окрашенная под красное дерево и отполированная; у меня сундучок, а у него отличный чемодан; у меня ничего, а у него самовар со всем чайным прибором и даже с чайным ларчиком. Все это давало ему право смотреть на меня свысока. Он нередко позволял себе посмеиваться надо мною, над бедностью моего отца, называть меня нищим»⁵⁷.

Семинарист Сперанский, чтобы как-то прожить на скромные средства, полученные от отца, снимал квартиру в компании с учениками духовного училища и давал им платные уроки, бегал по адресам отстающих школьников и занимался с ними географией и арифметикой⁵⁸.

В Олонецкой семинарии, уже вскоре после открытия появились должники, и год от года их контингент становился стабильным. Руководство семинарии вынуждено было апеллировать к епархиальному начальству с просьбой удерживать долги бурсаков за общежитие и «кочный прибор» из жалованья их отцов⁵⁹. Даже дополнительное содержание, полученное по специальному указу Святейшего Синода не ликвидировало задолженности, погасить ее пришлось Петрозаводскому губернскому казначейству⁶⁰.

Постоянное недоедание, усталость – все это деформировало личность будущего священника. Отсутствие бытовых удобств также смущало юные души: вспоминая Тверскую семинарию в дореформенный период, один из мемуаристов (тогда – новичок-первокурсник) отмечал убогую обстановку в классе. В памяти осталась тесная комната, заставленная партами, которых не хватало на всех, сидеть приходилось на подоконниках, а если и там места не было, то просто стоять между рядами. В углу класса стояли стол стул «самой топорной работы, когда-то вымазанные суриком, – это профессорская кафедра»⁶¹.

По свидетельству чиновника, проверяющего Тверскую семинарию в 1870-е годы, в спальнях «кровати попорчены, простыни дырявы, тюфяки поношены, наволочки не годны к употреблению... подушек не хватает», «туалеты холодны и гадки». Баня и вовсе находилась в аварийном состоянии – «можно было опасаться за жизнь моющихся воспитанников». В столовых не хватало посуды и приборов и потому прием пищи осуществлялся посменно⁶². Мало чем отличались условия обитания и в других местах: «грязные до невозможности полы (так, что порой и половиц не видно); спертый воздух комнат, который посторонний не мог вынести дольше нескольких минут; убогие деревянные кровати с подушками, лоснящимися от грязи»⁶³.

⁵² См.: Ю.Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902. С. 17.

⁵³ Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 16.

⁵⁴ Евлогий, митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 28.

⁵⁵ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 94.

⁵⁶ Примечательно, что питание учениц женских епархиальных училищ в рассматриваемый период не встречало особых нареканий, «голодные» периоды постепенно сменялись достаточным снабжением. См. подр.: Попова О.Д. В стенах конвикта... : очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань : Поверенный, 2006. С. 210–217.

⁵⁷ Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 30-31.

⁵⁸ См.: Дневники Сперанского. Запись от 15 сент. 1907 г.

⁵⁹ См.: Национальный архив республики Карелия (НАРК). Ф. 25. Оп. 19. Д. 20/275. Л. 87, 93, 106.

⁶⁰ Там же. Л. 106, 139.

⁶¹ Воспоминания семинариста Кашинского ... Л. 8.

⁶² См.: ГА ТО. Ф. 575. Оп. I. Д. 337. Л. 452.

⁶³ Цит. по: Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1999. С. 149.

С годами ситуация не менялась к лучшему. Так, в начале XX века потребовалось специальное Определение Святейшего Синода руководству Олонецкой семинарии обновить обветшавшее постельное белье, посуду и позаботиться об «улучшении стола» для воспитанников, а также заменить бездарного эконома, неспособного обеспечить достойное состояние хозяйства⁶⁴. Бедно и неопрятно выглядело и помещение семинарии в Петрозаводске⁶⁵.

Неустроенный быт сказывался на состоянии здоровья семинаристов, они слишком часто и серьезно хворали. В Тверской семинарии в 1887/88 учебном году из 580 воспитанников 59 переболели ангиной, 49 – горячками (катаральной, гастритной и ревматической), 28 – пневмонией, 27 – малокровием, 20 – чесоткой, 24 – расстройством кишечника, 8 – цингой. Всего было зафиксировано 25 вспышек различных заболеваний. На стационарном лечении находились 293 воспитанника; амбулаторное лечение назначалось 1221 раз; 3 случая закончились летальным исходом. В конце 1880-х годов на семинарию обрушилась скарлатина и водянка⁶⁶. Между тем больница Тверской семинарии представляла собой полуразрушенное здание, где «крыша раскрыта, камни из фундамента выпали». Темные, тесные помещения даже зимой проветривались через двери. Отмечалось, что «сырость, копоть и недостаток вентиляции» затрудняли выздоровление⁶⁷. Уровень подготовки медперсонала также оставлял желать лучшего. Выпускник Тверской семинарии вспоминал, что врач на любые жалобы давал стандартный ответ: «Пей ромашку». Тяжело больных предпочитали срочно отправлять домой.

К концу XIX века в педагогических методиках все чаще говорилось о физическом воспитании как профилактике «против усталости и неврастении»⁶⁸.

Известно ли было высокому церковному начальству о неурядицах в духовных школах? Безусловно. Потому в конце XIX века вновь заговорили о том, что семинарии скорее способствуют деморализации учащихся, а не воспитанию христианской нравственности⁶⁹. Согласно определению Синода от 21 января – 8 февраля 1896 года была учреждена специальная комиссия во главе с митрополитом Киевским Иоанникийем по подготовке проекта преобразований духовных школ России. Комиссия, проанализировав действующие учебные программы, составила рекомендации о «желательных преобразованиях»⁷⁰, что привело к длительным дискуссиям в церковных кругах. Однако никаких перемен не произошло: в очередной раз синодальное начальство признало ситуацию в духовных школах «нездоровой», но не безвыходной. Последствия столь прекрасноразумного настроения в скором будущем обернулись волной организованных протестов, которые остротой и размахом существенно отличались от локальных вспышек недовольства на бытовой почве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Агнцев, Д.И. История Рязанской духовной семинарии. 1724–1840 [Текст]. – Рязань, 1889.
2. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы [Текст]. – СПб., 1907. – Т. 1.
3. Быть может и в моем песке и в соре найдется какая-нибудь крупица. Дневник А.Н. Львова [Текст] / подг. текста, введ. ст. и коммент. С.Л. Фирсова // Нестор. – СПб. ; Кишинев, 2000.
4. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох [Текст]. – М., 1994. – С. 93
5. Воспоминания семинариста Кашинского священника П.С. Колерова о Тверской духовной семинарии периода 1841–1847 годов [Текст] // Тверской государственный объединенный музей. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 10.
6. Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 1207. – Л. 1 об.
7. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича [Электронный ресурс]. – Тамбов, 1907. – Запись от 4 сент. 1907 г. ; Запись от 8 сент. 1907 г. – Режим доступа : <http://www.tambovdem.ru/>
8. Доброклонский, А.П. Руководство по истории русской церкви [Текст]. – М., 1893. – 438 с.
9. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни [Текст]. – М., 1994. – 624 с.
10. Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева [Текст] / сост. Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. – Тверь, 2012. – 301 с.

⁶⁴ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 354. Л. 6–7.

⁶⁵ См.: Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. Т. 1. С. 242.

⁶⁶ См.: ГАТО. Д. 471. Л. 79, об. 80 ; Д. 488. Л. 22.

⁶⁷ Там же. Д. 337. Л. 452, 453, 721.

⁶⁸ Соловьёв И.А. Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии // Тверские епархиальные ведомости. 1882. № 3. С. 79.

⁶⁹ См.: Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. СПб., 1907. Т. 1. С. 158 ; Красный архив. 1930. Т. 39. С. 130.

⁷⁰ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1905. № 46. С. 1944–1957.

11. Иннокентий, митрополит. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества [Текст] // Опыты православной педагогики. – С. 161–175.
12. Ковалевская, С.В. Воспоминания детства. Нигилистка [Текст]. – М., 1989. – 300 с.
13. Колосов, В.И. История Тверской духовной семинарии [Текст]. – Тверь, 1889. – 328 с.
14. Красный архив [Текст]. – 1930. – Т. 39. – С. 130.
15. Леонтьева, Т.Г. Священник Иоанн Белюстин [Текст] : биография в документах. – М. ; Тверь : СФК-офис, 2012. – 411 с.
16. Магницкий, М.Л. О пьянстве семинаристов и необходимости его искоренения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.bee.vsu.ru/publ/magnitsky.shtml
17. Малеин, И.Н. Мои воспоминания [Текст]. – Тверь, 1910. – 238 с.
18. Национальный архив республики Карелия (НАРК). – Ф. 25. – Оп. 19. – Д. 20/275. – Л. 87, 93, 106.
19. Павел, экзарх Грузии – Победоносцеву. 28 мая 1886 г. [Текст] // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. – М., 2001. – С. 198–199.
20. Панаева, А.Я. (Головачева). Воспоминания [Текст]. – М., 1972. – 486 с.
21. Поздеев, В.А. Семинарская поэзия XIX – начала XX века [Текст] // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре. – М., 2001. – Вып. 1. – 224 с.
22. Попова, О.Д. В стенах конвикта... [Текст] : очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ. – Рязань : Поверенный, 2006. – 276 с.
23. Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1905. – № 46. – С. 1944–1957.
24. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ [Текст]. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 567 с.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802. – Оп. 10. – 1900. – Д. 4. – Л. 179–179 об.
26. Савва, архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского [Текст]. – Сергиев Посад, 1906. – Т. 1. – С. 272 ; Т. 6. – 429 с.
27. Соловьёв, И.А. Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии [Текст] // Тверские епархиальные ведомости. – 1881. – № 24 (неоф. часть). – С. 18–20, 27 ; 1882. – № 3. – С. 79.
28. Тверские епархиальные ведомости [Текст]. – 1882. – № 1. – 38 с.
29. Цезаревский, П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания [Текст] // Звонарь. – 1906. – № 1. – С. 271 ; № 2 (май–июнь). – С. 244–246 ; № 6. – С. 278–279, 283.
30. Чиж, В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра [Текст]. – М., 2001. – 414 с.
31. Ю.Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов [Текст]. – Киев, 1902. – 78 с.

REFERENCES

1. Agncev, D.I. Istoriya Ryazanskoj duhovnoj seminarii. 1724–1840 [Text]. – Ryazan', 1889.
2. Belyavskij F.N. O reforme duhovnoj shkoly [Text]. – SPb., 1907. – Т. 1.
3. Byt' mozhet i v moem peske i sore najdetsya kakaya-nibud' krupica. Dnevnik A.N. L'vova [Text] / podg. teksta, vvod. st. i komment. S.L. Firsova // Nestor. – SPb. ; Kishinev, 2000.
4. Veniamin (Fedchenkov), mitr. Na rubezhe dvuh ehpoh [Text]. – М., 1994. – S. 93
5. Vospominaniya seminarista Kashinskogo svyashchennika P.S. Kolerova o Tverskoj duhovnoj seminarii perioda 1841–1847 godov [Text] // Tverskoj gosudarstvennyj ob'edinennyj muzej. – F. 3. – Op. 1. – D. 10.
6. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti (GATO). – F. 103. – Op. 1. – D. 1207. – L. 1 ob.
7. Dnevniki vospitannika Tambovskoj duhovnoj seminarii Speranskogo Mihaila Grigor'evicha [Electronic resource]. – Tambov, 1907. – Zapis' ot 4 sent. 1907 g. ; Zapis' ot 8 sent. 1907 g. – Mode of access : <http://www.tambovdem.ru/>
8. Dobroklonskij, A.P. Rukovodstvo po istorii russkoj cerkvi [Text]. – М., 1893. – 438 s.
9. Evlogij (Georgievskij), mitr. Put' moej zhizni [Text]. – М., 1994. – 624 s.
10. Iz istorii provincial'nogo duhovenstva: zapiski svyashchennika V.F. Vladislavleva [Text] / sost. D.A. Begovatov, T.G. Leont'eva. – Tver', 2012. – 301 s.
11. Innokentij, mitropolit. Neskol'ko myslej kasatel'no vospitaniya duhovnogo yunoshestva [Text] // Opyty pravoslavnoj pedagogiki. – S. 161–175.
12. Kovalevskaya, S.V. Vospominaniya detstva. Nigilistka [Text]. – М., 1989. – 300 s.
13. Kolosov, V.I. Istoriya Tverskoj duhovnoj seminarii [Text]. – Tver', 1889. – 328 s.
14. Krasnyj arhiv [Text]. – 1930. – Т. 39. – S. 130.
15. Leont'eva, T.G. Svyashchennik Ioann Belyustin [Text] : biografiya v dokumentah. – М. ; Tver' : SFK-офис, 2012. – 411 s.
16. Magnickij, M.L. O p'yanstve seminaristov i neobhodimosti ego iskoreneniya [Electronic resource]. – Mode of access : www.bee.vsu.ru/publ/magnitsky.shtml
17. Malein, I.N. Moi vospominaniya [Text]. – Tver', 1910. – 238 s.
18. Nacional'nyj arhiv respubliki Kareliya (NARK). – F. 25. – Op. 19. – D. 20/275. – L. 87, 93, 106.
19. Pavel, ehkzarh Gruzii – Pobedonoscevu. 28 maya 1886 g. [Text] // K.P. Pobedonoscev i ego korrespondenty. Tajnyj pravitel' Rossii. – М., 2001. – S. 198–199.

20. Panaeva, A.Ya. (Golovacheva). Vospominaniya [Text]. – M., 1972. – 486 s.
21. Pozdeev, V.A. Seminarskaya poehziya XIX – nachala XX veka [Text] // Muzhskoj sbornik. Muzhchina v tradicionnoj kul'ture. – M., 2001. – Vyp. 1. – 224 s.
22. Popova, O.D. V stenah konvikta... [Text] : ocherki povsednevnoj zhizni zhenskikh eparhial'nyh uchilishch. – Ryazan' : Poverennyj, 2006. – 276 s.
23. Pribavleniya k "Cerkovnym vedomostyam". – 1905. – No. 46. – S. 1944–1957.
24. Rimskij, S.V. Rossijskaya cerkov' v ehpohu Velikih reform [Text]. – M. : Krutickoe patriarshee podvor'e, 1999. – 567 s.
25. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). – F. 802. – Op. 10. – 1900. – D. 4. – L. 179–179 ob.
26. Savva, arhiep. Hronika moej zhizni. Avtobiograficheskie zapiski vysokopreosvyashchennogo Savvy, arhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo [Text]. – Sergiev Posad, 1906. – T. 1. – S. 272 ; T. 6. – 429 s.
27. Solov'yov, I.A. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tverskoj duhovnoj seminarii [Text] // Tverskie eparhial'nye vedomosti. – 1881. – No. 24 (neof. chast'). – S. 18–20, 27 ; 1882. – No. 3. – S. 79.
28. Tverskie eparhial'nye vedomosti [Text]. – 1882. – No. 1. – 38 s.
29. Cezarevskij, P.V. Shestidesyatye gody v duhovnoj seminarii. Vospominaniya [Text] // Zvonar'. – 1906. – No. 1. – S. 271 ; No. 2 (maj-iyun'). – S. 244–246 ; No. 6. – S. 278–279, 283.
30. Chizh, V.F. Psihologiya zlodeya, vlastelina, fanatika. Zapiski psihiatra [Text]. – M., 2001. – 414 s.
31. Yu.G. Iz vospominanij o duhovnoj shkole 70-h godov [Text]. – Kiev, 1902. – 78 s.

T.G. Leontyeva

**AN EYEWITNESS ACCOUNT OF SEMINARY LIFE
(the Late 19th – Early 20th Centuries)**

The academic process and life in seminaries of Imperial Russia were aimed at educating the “right” priest, who would later shape the “right” Orthodox parishioner and loyal citizen. The author of the present article focuses on the efficiency of seminary teachers’ influence on the aesthetic, moral, and intellectual spheres of seminary students. The author highlights some acute social problems which were equally painful both for seminary students and their teachers. The issue is reflected in the periodical press of the late 19th century and official documents of the Russian Orthodox Church. The research is based on personal documents, such as diaries, memoirs of ex-seminary students, who describe extra-curricular activities of seminary students, their attitudes to various social problems and their behavior.

seminary; bursa; seminary life; Russian Orthodox Church; seminary students' memoirs